

Глава 1

Жизнь с призраками требует уединения.

Энн Микаэлс. Мимолетные картинки

Вот уже много дней я безуспешно прочесывал мексиканские горы Сьерра-Мадре в поисках этого Кабальо Бланко*. Пока наконец не достиг конечной точки пути, где надеялся найти его, но не в дебрях диких лесов, куда он, по слухам, частенько захаживал поохотиться, а в полумраке зальчика старой гостиницы на краю пыльного пустынного городка.

— Да, Кабальо здесь, — утвердительно кивнула мне женщина за стойкой.

— Правда? — Посетив множество мест и тысячу раз выслушав, что он был здесь и ушел минуту назад, я начал подозревать, что Кабальо Бланко просто-напросто измышление, этакая лох-несская сказочка для непослушных детей и падких на «чудеса» гринго.

— Он всегда приходит к пяти, — добавила она. — Что-то похожее на ритуал.

От радости я не знал, что делать: то ли, испытав облегчение, сгрести ее в объятия, то ли, издав торжествующий вопль, хлопнуть своей пятерней по ее ладони... Я взглянул на часы. Надо же, я и в самом деле увижу этот призрак меньше чем через...

— Но уже седьмой час...

Женщина пожала плечами:

— Возможно, ушел уже.

Я рухнул на старый диван: голодный, грязный, усталый. Я чувствовал себя полностью опустошенным, и такими же ни на что не годными были мои источники информации.

---

* От исп. Caballo Blanco — Белый Конь. Здесь и далее, если это не оговорено отдельно, примечания переводчика.

Кто-то говорил, что Кабальо Бланко — бродяга, другие слышали, будто он был боксером, сбежавшим ото всех себе в наказание за то, что убил на ринге соперника во время боя. Никто не знал ни как его имя, ни его возраст, ни откуда он здесь вообще взялся. Так от бандита со старого Дикого Запада, который стреляет без промаха, остаются только легенды да струйка дыма. Если смотреть на карту, то повсюду, куда ни ткни, я получал массу ценных сведений о Кабальо, а крестьяне клялись, что своими глазами видели, причем одновременно, как он шел прямо мимо их дома, описывали его абсолютно, надо сказать, по-разному: у одних он был «забавный и симпатичный», у других — «чудной и громадного роста».

Но во всех версиях основные детали оставались неизменными: Кабальо Бланко приехал в Мексику очень давно и забрался в самую глубь пустынных, непроходимых Медных каньонов, чтобы жить среди, как их называли испанцы, тараумара — полумифического племени несравненных атлетов, ведущих отсчет своего появления еще со времен каменного века. Тараумара, наверное, самые здоровые и невозмутимые из всех живущих людей на свете и лучшие бегуны с момента сотворения мира.

На сверхдлинных дистанциях тараумара оставит далеко позади хоть скаковую лошадь, хоть гепарда, хоть олимпийского марафонца. Лишь очень немногим представителям цивилизации доводилось наблюдать тараумара в жизни, но поразительные рассказы о них веками просачивались из каньонов. Один следопыт утверждал, будто видел, как тараумара голыми руками поймал оленя, преследуя бегущее животное до тех пор, пока оно, выдохшись, не упало замертво, «откинув копыта». Другой искатель сенсаций потратил десять часов на то, чтобы перевалить через одну из гор Медного каньона верхом на муле, а бегун-тараумара проделал тот же путь за полтора часа.

«Попробуйте это», — однажды сказала женщина из племени тараумара выдохшемуся путнику, павшему без признаков жизни у подножия горы. И протянула ему бутылку из тыквы с какой-то жидкостью. Он сделал пару глотков и был поражен приливом энергии, разлившейся по его жилам. Он вскочил, и ноги сами понесли его на вершину, будто хлебнул ударную дозу кофеина. Эта тараумара, как сообщал впоследствии верхолаз, хранила к тому же еще и рецепт особой заряжающей энергией пищи, которая позволяла им пребывать

в отличном состоянии, быть полными сил и преодолевать преграды: несколько кусочков этой еды делали их способными бежать весь день без отдыха.

Но какими бы секретами ни владели тараумара, хранили они их надежно. И по сей день живет это племя среди отвесных скал выше гнезд ястребов, в стране, которую мало кто видел. Барранкас. Мир, затерянный в дальнем уголке необжитой Северной Америки, нечто вроде Бермудского треугольника на суше: заблудившиеся в нем бедолаги буйные головушки исчезают без следа. Там могут происходить — и, вероятно, происходят — всяческие неприятности; если вы уцелеете после встреч с ягуарами-людоедами и смертельно опасными змеями и переживете обжигающую жару, вам все равно не избежать «каньонной лихорадки» — безумия, вызываемого мрачным безлюдьем Барранкаса и приводящего к роковому концу. Чем дальше вы проникаете в глубь Барранкаса, тем сильнее ощущаете, что вокруг вас словно медленно встают стены склепа. Кольцо их сужается, внутри расстилается мрак, то тут, то там раздается призрачный шепот; кажется, что каждый выход упирается в отвесную скалу. Заблудившихся охватывает такое безумие и отчаяние, что они сами перерезают себе глотку или бросаются вниз со скал. Стоит ли удивляться, что лишь очень немногие видели родные места тараумара — не считая, конечно, их самих.

Но Кабальо исчез в дебрях Барранкаса, где, как говорили, его приняло к себе племя тараумара, увидев в нем друга и родственную душу — призрак среди призраков. Ну и, ясное дело, он овладел мастерством тараумара: приобрел необычайную выносливость и научился быть невидимым. Хотя его часто видели в разных местах каньонов, никто, похоже, точно не знал, где он живет и когда появится в следующий раз. И если, судя по рассказам, вообще был на свете человек, который мог растолковать древние тайные знания тараумара, так это именно он — одинокий странник с Высоких Гор.

Я до такой степени был одержим идеей его отыскать, что тогда в гостинице, сидя в полудреме на старом диване, даже вообразил, как мог бы звучать его голос. Парень — бродяга, странствовал всюду, но нигде не притерся, должно быть, жил наособицу и редко слышал собственный голос. Он отпускал странные шуточки и сам же и хохотал над ними. Он громко смеялся и говорил на жутком испанском. Он был шумным, болтливым и... и...

Обождите-ка! Я услышал его и, пошире раскрыв глаза, чтобы как следует разглядеть, увидел запыленного, похожего на живые мощи мужчину в драной соломенной шляпе, который, облокотившись о стойку, добродушно обменивался шутками с милой дамой-портье. Его сухощавое лицо было густо покрыто полосками пыли, очень напоминавшими выцветшую боевую раскраску, а торчавшие из-под шляпы клоки выгоревших на солнце волос явно не знали иных средств ухода, кроме охотничьего ножа. Он производил впечатление человека, оказавшегося на необитаемом острове... хотя бы из-за того, с какой жадностью разговаривал со скучающей за стойкой женщиной.

— Кабальо? — прохрипел я.

Мужчина, все еще улыбаясь, обернулся, и я почувствовал себя идиотом. В его глазах я прочел не настороженность, а смятение. Такой вид, наверное, был бы у любого туриста, увидевшего рядом с собой психа, который, сидя на диване, неожиданно заорал бы: «Конь!»

Это был не Кабальо. Там вообще не было никакого Кабальо. История оказалась «уткой», и я просто попался на эту удочку.

Но я вдруг услышал:

— Вы меня знаете?

— Да! — вскрикнул я, подскакивая. — Как же я рад вас видеть!

Улыбка с его лица тут же сползла, взгляд метнулся в сторону выхода, и я понял: еще секунда — и сам он последует в том же направлении.